

осуществимы только при условии *общественного* (курс. его. В. В.) присвоения производительных сил»...

Из многочисленных авторов, которых цитирует т. Сафаров, более всего не повезло Марксу и Энгельсу. Цитаты из их творений приводятся почти всегда невпопад. На стр. 22 приведены две больших цитаты из Энгельса, где он говорит о том, что «Развитие человеческого общества... началось с того момента, когда труд семьи стал создавать более продуктов, чем было необходимо для его поддержания», что разделение общества на класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых явилось «необходимым следствием прежнего недостаточного развития производства»—и приходит к выводу, что «закон разделения труда образует основу классового разделения».

«Отсюда видно,—глубокомысленно умозаключает т. Сафаров,—что общественное развитие началось с разделения общества на классы, т.-е. с самого начала общественного развития сознательная организация общества в целом (курс. его. В. В.) сделалась невозможной».—Хуже понять Энгельса нельзя.

Вот еще один пример: приведя цитату из «Нищеты философии», которая заканчивается фразой: «Ручная мельница предполагает иное разделение труда, чем паровая», автор продолжает: «но именно отсюда и вытекает неизбежность *общественного* (курс. его. В. В.) разделения труда, *пожизненного прикрепления определенных групп к определенным занятиям*... Если что и вытекает из слов Маркса, так это как раз то, что никакое разделение труда не есть—в смысле людском—величина постоянная, что никакая группа «*пожизненно*» не может быть прикреплена к какому бы то ни

было занятию, и что общественное разделение труда прямо и непосредственно зависит от условий развития средств производства и техники, т.-е. что в обществе, особенно внутри данного класса, происходит непрерывное, непрекращающееся движение и перегруппировка человеческого состава, соответственно с постоянным прогрессом техники.

Но т. Сафаров не хочет понять Маркса и Энгельса, он гораздо охотнее понимает М. Гюйо: цитаты, приведенные из его книги «Иррелигиозность будущего» занимают больше двух третей двух глав; охотно цитирует А. Бергсона, Маха и его учеников, недурно усваивает уроки из «Новых идей в социологии»,—так усердно, что почти вся книга испещрена цитатами отовсюду.

Такая неслыханная сумма цитат совершенно не переваренных, не обработанных, не проанализированных! Собранные вместе цитаты. В результате—брошюра представляет из себя сплошную чехарду цитат, где Маркс оказывается в дружбе и согласии с Кассирером, где Анри Бергсон дополняет Энгельса, а последний иллюстрирует Г. Маха, и т. д. и т. д.

Судя по тому, что Сафаров тщательно каждое иностранное слово объясняет (иногда до анекдотичности—стр. 33, 48, 65), книжка предназначена для массового читателя. Но без всякого преувеличения можно сказать, что, к счастью, ни один рабочий ничего не поймет в его безобразных и бесконечных периодах, в его туманной фразеологии; все его философские упражнения так непроницаемо заброшены, что иногда при всем добросовестном желании до сути дела не доберешься.

Книжка издана в 20.000 экземплярах.

В. Ваганян.

АНАРХИЗМ И СИНДИКАЛИЗМ.

Я. ЯКОВЛЕВ. Русский анархизм в Великой русской революции. Гос. Издат. Москва, 1921 г.

В краткой, сжатой, но популярной и живой брошюре автор характеризует русский анархизм в переживаемой

нами революции. Если принять во внимание, что до 18 года русский анархизм почти ничем себя не проявил и даже не пытался осмыслить происшедших явлений, не выставил своей программы, не определил своей тактики, то брошюра т. Яковлева из попытки характеристики

анархизма в настоящее время превращается в начало истории русского анархизма с документами, резолюциями и воплощенным в действие «бакунинским» *action directe*, интересными не только для современников, но и для будущего историка.

«Русский анархизм» в одно и то же время и повесть о делах наших и злоключениях анархистских, и социологический очерк анархической мысли, рисующий все ее бессилие и неспособность хоть сколько-нибудь ориентироваться в происходящих классовых столкновениях. Идеологически это—творческая ничтожность, практически и в действиях—сплошная контр-революция—подчас и нередко—рука об руку с чистой белой гвардейщиной.

Не имея своих лозунгов и определенных программных целей в настоящей социальной драме, имеющей своим первым действием Россию, жалко плетясь за большевистскими лозунгами в начале революции, анархисты быстро костенеют в практических формах движения и начинают безгранично идеализировать партизанщину.

Нет ничего удивительного, что партизанский герой Махно скоро делается их излюбленным вождем движения, выразителем анархизма действием. Анархисты не только солидаризируются с ним, но санкционируют все его действия, идеализируют его и его армию и скоро становятся политическими и идеологическими вдохновителями и руководителями всей «махновщины».

На войне, как на войне. Имея свою партизанскую в несколько тысяч армию, анархисты не раз захватывают целые районы, крупные города и имеют таким образом возможность на деле проявить себя, свои принципы и методы и свое отношение к тем или другим классам общества.

Как вели себя анархисты в это время, как претворяли в жизнь свою теорию и программу, а главное, как относились к удовлетворению требований рабочего класса и как защищали интересы его—об этом читатель найдет в ряде фактов и сведений много интересного в рецензируемой книге. Общий вывод заключается в том, что анархизм твердо и

недвусмысленно заявил себя и в политическом и в экономическом отношениях выразителем интересов не города, а деревни, не рабочих, а крестьян,—по преимуществу кулацкого, зажиточного крестьянства. В качестве идеологов деревенской мелкобуржуазной стихии анархисты попирали и окончательно дискредитировали не на словах, а на деле, и не на деле мелком, а в исторических действиях, те анархистские принципы, на которых зиждится учение Бакунина и Кропоткина.

Исторические действия... Надо хорошо вдуматься в исторический смысл этих слов, сводящихся в данном случае к определенной, веками подтвержденной, опытом проверенной формуле: ошибки стоят партиям дороже, чем преступления.

Анархо-махновщина—это та анархо-ошибка, благодаря которой анархисты потеряли в глазах рабочего класса и то незначительное обаяние, которое они могли бы иметь, пользуясь демагогическими фразеологией и идеалом.

Анархо-махновщина окончательно погубила русских анархистов; она есть больше, чем преступление анархистов,—она их политическая ошибка.

В чем главная сущность и где главная причина этой ошибки? Сущность—в непонимании взаимоотношения рабочего класса и крестьянства вообще, а в России в частности; причина—в непонимании природы пролетарской диктатуры вообще, а в России при данных конкретных, исторических и международных условиях в частности, то-есть это та роковая Ахиллесова пята анархии, на которую указывал еще Маркс в своих спорах с Бакуниным.

Как отнеслись всевозможные анархические группы к этому и к другим «великим конфузам» анархистов (отношение к Красной армии, к Советской власти)? За исключением группы Гордина все остальные полностью, целиком, без остатка, без оговорок, без колебаний солидаризировались со всеми анти-коммунистическими лозунгами, лишь прикрашенными туманными, крикливыми, научно-абсурдными и практически-фальшивыми формулами, блистающими цветами радуги от розового до красного.

Подробно обо всех резолюциях всех этих многочисленных под различными названиями выступающих групп, их съездов и конференций, начиная от единой федерации (никогда не бывшей единой) через «Набат», анархистов «подполья» и кончая синдикалистами и универсалистами, читатель найдет в брошюре т. Яковлева. Вначале у анархо-синдикалистов как будто бы замечалось желание вырваться из лап анархического бланкизма и вступить на путь массового движения. Еще в 19 году они противопоставляли анархическому бунтарству организованное участие анархистов в строительстве нового общества и зовут от революционных фраз к непосредственной работе организации масс, но суть дела не в пожеланиях, а в том, что между «пожеланиями» и фактической работой анархо-синдикалистов целая пропасть. Скоро пожелания забываются, анархо-синдикалисты объединяются с конфедерацией «Набат», став таким образом под знамя восстания против Советской власти, как единственной форме анархической работы. Анархо-синдикалистам, как и прочим анархистам, не удается выскочить из бакунинского отношения к диктатуре пролетариата.

В результате получилось своеобразное явление: в то время, как на Западе Европы анархизм—это продукт распада капитализма и отображение люмпенской неорганизованной части пролетариата,

России анархизм знаменует собой борьбу мелкого жадного собственника с пролетариатом. В интересах буржуа не дать укрепиться Советской власти, всячески расшатывать ее, срывать ее отдельные начинания и, наконец, свалить ее каким бы то ни было способом,—и русские анархисты, в качестве вольных и невольных слуг и агентов буржуазии, все это проделывают, воплотив в себе всю дикую ненависть буржуа к коммунистам.

Таким образом, и все резолюции анархистов, и все их действия рисуют их в одном лишь свете: русский анархизм ничего общего не имеет с борьбой рабочего класса за социализм; русский анархизм—это борьба против рабочего класса, против его интересов, против социализма, это борьба за кулаков-крестьян, за мелкого буржуа, за капитализм.

Нам надо знать, что такое анархисты вообще и русские анархисты в частности. Об анархизме у нас есть прекрасная популярная книга Е. Преображенского. Читателям недоставало книжки о русском анархизме. Этот пробел восполняется книгой т. Яковлева о русском анархизме в русской революции. Нам остается горячо рекомендовать ее читающей публике, особенно рабочей, а также и для чтения в рабочих народных домах, агит-пунктах и т. д. Эти знания сейчас более чем своевременны, они настоятельно необходимы и для пополнения общего развития, и для блага пролетарской республики.

Б. Эльцин.

ДЖ. БАРРЕТ (ДЖ. БАЛЛАРД.). Анархическая революция. Перевод с английского. Книгоиздательство „Голос Труда“. Петербург-Москва. 1920. 48 стр.

У русских анархистов достаточно и своих писателей. Однако, они переводят английского автора. Очевидно, его работа должна обладать особенными достоинствами—с точки зрения анархиста конечно. Посмотрим!

Анархическая революция... Как же она будет происходить? Дж. Барретт начинает так:

«Анархист, это — человек, который не верит, что правительство есть благо для народа». А посему—«первым шагом, необходимым для установления свободы, будет, очевидно, уничтожение правительства». Это и есть «анархическая революция». Просто и ясно—не правда ли?

Для Баррета не существует элементарного, в сущности, вопроса о том, что ведь с уничтожением правительства, охранявшего интересы буржуазии, классовая борьба не прекращается, а, наоборот, разгорается сильнее. Он не понимает того, что если рабочий класс менее опытный, хуже организованный, чем буржуазия,—если он после победы не захватит в свои руки государственного аппарата и не повернет его целиком против буржуазии, то этот аппарат снова приберут к своим рукам вчерашние «владыки жизни» и расправятся с пролетариатом. Переходного периода для